

Л.А. Бучельникова,
М.А. Литовская
(Екатеринбург)

Екатеринбург-Свердловск как биографическое пространство в творчестве писателей XXI века*

Специфика создания образа любого города, помимо известной эволюционной, конкретно-исторической, жанровой заданности, обусловлена также тем значением, которое автор придает проблеме определения качества места своего биографического пребывания. Тогда описываемый город становится своеобразным репрезентантом географического измерения биографии автора. Гордость / недовольство местом своей жизни, определение его геополитического и культурного значения, осознание себя как изгоя / культурного героя того или иного населенного пункта составляет в творчестве многих авторов значимую часть их рефлексий. Образ уроженца «лабиринта фабричных дворов» Вторчермета важен для Бориса Рыжего не менее, чем для Булата Окуджавы его принадлежность к «арбатству»: «вся Пермь» Нины Горлановой вполне в этом смысле соотносима с «Аптекарьским островом» Андрея Битова или «московскими повестями» Ю. Трифонова.

Не рассматривая эту проблему во всей полноте, выберем только один ее аспект – выраженную в тексте оценку авторами культурной значимости города, где они живут или жили когда-то. В современных изображениях Екатеринбурга как биографического пространства можно выделить две ведущие тенденции.

Одной из тенденций оказывается представление города Екатеринбурга как некоего общего места. Так, в романе И. Сахновского названный по имени Екатеринбург включает как реально существующие (улицы Кондукторская, Ширококореченское кладбище, Атриум Палас отель и т. п.), так и вымышленные топонимы (Екатерининский рынок, улица Рокоссовского и т. п.), а также набор примет любого среднестатистического крупного российского города. Специфические городские история или топография практически не играют роли в развитии сюжета романа. Фабульно важным оказывается лишь местонахождение города в середине России («серединный Горно-заводской регион»¹). Пребывание в качестве общего места, которое в принципе может быть легко заменено любым другим², с одной стороны, лишает город уникальности, а с другой – делает его не более чем вполне приемлемым местом жительства для героев. Несмот-

---

* Исследование подготовлено в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

ря на свою географическую отдаленность, Екатеринбург у И. Сахановского самолетами, телевидением, прессой, электронной почтой связан со всем миром, он становится центром действия необыкновенной истории, проживающий в нем герой-повествователь, в соответствии с развитием сюжета свободно и добровольно перемещаясь в пространстве мира, не случайно имеет лишь электронный адрес, включающий название страны («IFS@mail.ru»³). В условиях глобализации место жительства перестает играть судьбоносную роль, касается ли это героя или автора, который место и время написания книги обозначает как «Замок Готорнден, Шотландия, 2002 г. Екатеринбург, 2006»⁴.

В случае мемуарно-автобиографического текста место жительства, напротив, по идее должно приобретать особенно важную роль. В этом случае город превращается в место памяти, обретает конкретно-исторические качества, важные в контексте биографии героев. Так, в повести Г. Дробиза он является, например, военным, тыловым, с оборонными заводами, где дети гоняют по улицам «плоские железные колесца, с зубчиками по внутреннему краю... тормозные диски «тридцатьчетверки». Во двory они, видимо, попадали бракованные, с заводской свалки»⁵. В этом городе были старинные особняки, в одном из которых занимает свои две комнаты семья главного героя, и бараки, институты и стадион, трамвай и редакции. Город расположен далеко от Москвы, Киева, где, как кажется герою на определенном этапе жизни, протекает настоящая жизнь, но, в отличие от далеких столиц, город, о котором вспоминает повествователь, не имеет имени. Он безымянен, как и сам автобиографический герой: в городе жил мальчик, который вырос, стал писателем и начал вспоминать о своих детстве, отрочестве, юности.

Осознаваемая читателями – жителями реального Екатеринбурга – точность описаний городских пространств приходит в противоречие с их неназванностью, но этот контраст призван подчеркнуть типовой характер воспоминаний. Узнаваемый Екатеринбург в тексте также представлен как общее место – город, о котором вспоминают. Безымянность подчеркивает обыкновенность героя и его воспоминаний о родителях, доме, играх, первой любви и первых драках, школьных занятиях и литературных опытах и т. п. При всей их неприязнительности сам факт наличия воспоминаний оказывается маркером полноценности биографии героя, а значит, полноценности места его жизни.

И в том, и в другом случае отсутствие уникальности Екатеринбурга-Свердловска не придает его описанию отрицательных коннотаций однообразной провинциальности, типового убожества и т. п. Напротив, общностью с другими местами жительства подчеркивается включенность города и его обитателей в некие вневременные общемировые процессы.

Второй тенденцией оказывается подчеркивание уникальности местоположения, а также истории Екатеринбурга. В этом случае писатели прибегают к приему мифологизации места, отрефлексированному непосредственно в тексте.

В романе О. Славниковой «2017»⁶ городская реальность «рифейской столицы» соотносится с «миром горных духов», персонажи которого позаимствованы из авторитетной мифологической системы П.П. Бажова. Гипотетическое прошлое автор заменяет гипотетическим будущим, рассказывает о крае, обитатели которого усвоили предписанную им идентичность особенных «рифейских» людей. О. Славникова делает акцент на выявлении единого центра структурного упорядочения человеком собственной жизни и своего места – литературности, проблема искусственности / естественности которой не обсуждается. Мифологизированное литературное описание, основанное на знании реалий территории, предопределяет, согласно мнению писательницы, дальнейшее существование места и способы самоидентификации его жителей.

Мифологизация призвана подчеркнуть региональную экзотику – странность места, его нахождение вне нормативной культуры. Понимание наличия экзотичности объясняется исторической и географической дистанцией: местом повествователя вне описываемых места и территории. Рифейская принадлежность – факт личного мифа автора. Образ знатока уникального места и носителя специфической «рифейской ментальности» – гарантия ее включения в общелитературный контекст. Провинция противопоставлена Центру, ее таинственность происходит от невыраженности, а описание ее мистической мощи есть символическое предупреждение, в том числе и о собственной авторской силе.

В романе В. Исакова «Екатеринбург» акцент сделан не на актуализации старых, а на создании новых «преданий и легенд» типового промышленного города. Жители воспринимают Свердловск как заурядный город, в котором «не может происходить ничего необычного, загадочного, а значит – интересного»⁷. Это один из многочисленных советских городов, где непременно есть свой проспект Ленина, Центральный гастроном / рынок / стадион, ЦУМ, Оперный театр и «мрачные серые здания с колоннами»⁸.

Но неинтересный город, по мнению повествователя, не может существовать в культурном пространстве. Не случайно Свердловск выпал из литературного контекста. Согласно романной концепции, только «тот настоящий Екатеринбург» может предстать как плодородная литературная почва, где могли бы жить местные Родионы Раскольниковы и Анны Каренины, а не только «картонные герои Мамина-Сибиряка да лубочные персонажи Бажова». Для этого кому-то необходимо добавить таинственности, загадочности в описание

«обыкновенного города». Повествователь принимает на себя функции создателя городской мифологии. Он силой своего воображения наделяет город способностью скрывать за обликом серого промышленного населенного пункта призрачный и загадочный город-фантом, «несуществующий, фантастический Екатеринбург»⁹.

В романе разрабатывается цепь преданий, связанных с Домом офицеров, университетом, издательством, «нехорошей квартирой» на улице Ленина, которые объединяются темой обусловленного историей города двоемирия: «...никакого города Екатеринбурга нет и не было никогда, а была лишь игра воображения, фантазия, был сон наяву, привидевшийся горному начальнику Василию Никитичу Татищеву в тот солнечный с морозцем, январский день 1721 года, когда стоял он над Исетью, вынашивая в сердце план будущей столицы Урала. План, которому так никогда и не сужено было сбыться... потому, что прихлопнула этот план в самом зародыше всемогущая Берг-коллегия... работы был свернуты, сам Татищев запил, заболел, и вскоре умер в нищете и забвении... Не стало Татищева – не стало и задуманной им столицы Урала. Осталась только фантазия, мираж, сон наяву. И вот уже 270 лет длится этот сон, похожий на сон, непохожий на сон, и уже никто не в силах отличить сон от реальности...»¹⁰

Так и не созданный Екатеринбург ведет свою жизнь, существуя параллельно с промышленно-индустриальным Свердловском. В параллельной реальности действуют свои правила, «там, в Екатеринбурге, вершится настоящая история, там есть и настоящая литература, и музыка, и живопись – все, что у вас здесь влачит жалкое существование под гнетом цензуры... да не в цензуре, собственно, дело! Просто сам воздух, дух этого города не способствует развитию литературы»¹¹.

Персонажи романа балансируют между двумя пространствами, оказываясь либо в скучном провинциальном Свердловске, либо в призрачном, таинственном Екатеринбурге, который открывается только в «особенных» местах немногим героям, в том числе и повествователю. Особое чутье на двоемирие побуждает героев демонизировать город, в котором они живут, приписывать ему свойства своевольного субъекта действия, вести с ним борьбу вплоть до вынашивания планов его уничтожения.

Наделение города обновленной мифологией есть не что иное, как стремление подчеркнуть уникальное, ввести место жительства биографического автора в авторитетный историко-культурный контекст, тем самым придавая ему значимость.

Примечания

¹ Сахновский И. Человек, который знал все. М., 2007. С. 23.

² Не случайно при экранизации романа действие легко переносится в Москву, столичность и центральность которой при подобном подходе также не имеют значения.

³ Сахновский И. Указ. соч. С. 228; 265.

⁴ Там же. С. 269.

⁵ Дробиз Г. Мальчик. Екатеринбург, 2003. С. 99.

⁶ Славникова О. 2017. М., 2006.

⁷ Исхаков В. Екатеринбург. Екатеринбург, 2004. С. 339.

⁸ Там же. С. 188.

⁹ Там же. С. 9.

¹⁰ Там же. С. 5.

¹¹ Там же. С. 364.

И. Е. Васильев
(Екатеринбург)

Стихи в небольшевистской уральской периодике периода гражданской войны (жанровый аспект)*

Гражданская война, начавшаяся по сути дела еще в 1917 году, разлилась широким потоком в 1918–1919 годах. На Урале она выразилась в ожесточенном противостоянии «красных» и войск Чехословацкого корпуса, местных белогвардейских формирований, Колчака. Обе стороны имели свою периодическую печать. Существовали воинские газеты, перемещавшиеся с войсками по городам, переходящих из рук в руки, но были и территориально прикрепленные газеты либерального толка, заявлявшие о своей внепартийности, однако явно сочувствовавшие «белым».

В несоветских изданиях на освобожденных от «красных» территориях сильны были антибольшевистские настроения.

Над большевиками открыто потешались, изображая их в *фельетонном* духе, высмеивая их руководителей (Ленина, Троцкого), демонстрируя несостоятельность их притязаний на власть. Вместе с тем много стихов носило разоблачительный, серьезный характер. Эти стихи демонстрировали в большевиках черты брутальности, жестокости, силы (использовалась милитаристская образность «броневики», «штык», «приклад», «пулемет», говорилось об арестах, расправах с мирными жителями, сребролюбии, поборах).

В *инвективах* большевикам использовалась то высокая библейская атрибутика, то грубоватая *частушечная* образность, выражающая представления об антинародности большевистского воинства.

Большевики в сознании обывателей представляли чужой враждебной силой, их называли «душителями свободы», распявшими Россию на кресте, «палачами», развязавшими братоубийственную резню, а в чехах видели «братьев-славян», «освободителей».

* Исследование выполнено в русле интеграционного проекта УрО – СО РАН «Эволюция жанров в русской литературе XVII–XX вв. и региональные традиции Урала и Сибири».